

***TSCHTO ETO TAKOJE*: КРАТКИЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ СЛОВНИКИ ДЛЯ СОЛДАТ ВЕРМАХТА**

В статье рассматриваются прагмалингвистические и дискурсивные особенности двух разнотипных вспомогательных кратких словарей-разговорников для солдат вермахта, созданных на втором этапе войны против СССР, когда обозначился кризис военной доктрины „блицкрига“ Третьего рейха; анализируются тематические группы лексики и особенности речевого репертуара «солдат восточного фронта» в новых дискурсивных практиках (квартирование, борьба с партизанами и др.)

Ключевые слова: *милитарный дискурс, краткие двуязычные словники, вермахт, прагматика, прямая и латентная агрессия, речевой репертуар солдата.*

В группе двуязычных лексикографических источников периода Второй мировой войны – словарей для солдат нацистского вермахта [Дубинин 2015: 168-169] выделяются факультативные издания немассового характера, появившиеся на втором этапе войны против СССР, когда неудавшийся «блицкриг» сменился провалами, затяжными боевыми действиями и проблемами в тылу. После неудач и потери стратегической инициативы концепция «превентивной акции на востоке» в 1941 году, в частности для сухопутных сил, была скорректирована.

Рассматриваемые в статье источники активного контактного типа в разной мере отразили динамику «дискурса завоевателя», отмеченную как *a priori* манипулятивной имиджелогией «армейцев нации», так и обнаруживая различные явные или латентные коммуникативные стратегии двуязычного общения, проявления агрессии/принуждения, необходимость элементарного общения с пленными, с мирным населением на захваченных территориях, противоборства с противником и с партизанами в тылу.

Они отмечены тематически также ориентаций на минимальные утилитарные интересы его пользователя – военнослужащего

низшего звена. В целом содержание этих т.н. «сопроводительных» изданий актуализировано в связи с затягиванием «восточной кампании» и с новыми коммуникативными потребностями (управление на захваченных территориях, партизанская борьба, оперативная работа, содержание военнопленных и др.), и со спецификой ситуации войны с СССР в новых условиях (самообеспечение войск, суровый климат, зима, бездорожье, санитария и др.).

Интересен своей декларативной установкой в отношении иноязычных компетенций солдата вермахта краткий словник с титульной формулировкой: *Tschto eto takóje. Deutsch: was ist das? Unsere Soldaten können alles, sie sprechen auch sofort etwas Russisch!* Впервые на титул таких изданий вынесена транслитерированная фраза-клише по-русски для получения простейшей предметной информации в традиции учебников иностранных языков элементарного уровня. Рассматриваемый «словарик» (всего около 500 ЛЕ) – один из немногих источников подобного рода, предположительно имевший значительный тираж, где указано авторство. Графическое оформление его обложки явно имеет рекламный характер.

Рис. 1. Обложка словаря Г.Кнупфера (ок. 1942 г.)

Его составитель – Георг Кнупфер (Georg Knupfer) обозначает себя в брошюре титульно как «(устный) переводчик, переводчик для Верховного командования сухопутных сил» (*Dolmetscher, Übersetzer für das Oberkommando des Heeres/OKH*) и даже указывает свой берлинский адрес. В качестве соавтора и редактора-составителя указан некий А. Манн – бывший переводчик при Российском императорском посольстве в Штутгарте (*früherer Dolmetscher an der Kaiserlichen Russischen Gesandtschaft Stuttgart*). Учитывая, что дипломатические отношения России с Вюртембергским двором были прерваны еще в конце 1914 года¹, это мог быть уже очень почтенный по возрасту человек.

Примечательно, что примитивный оттиск словарика Кнупфера представляет собой репринт машинописного текста (опечатки, не типографское оформление, половинный формат – А 8) без датировки (вероятно, конец 1941 г.), нос указанием места и частной (?) типографии: *Druck von J. Mann, Stuttgart – Bad Cannstadt*, а также, что несколько удивительно для такого «издания», – и авторских прав: *Nachdruck verboten*. Но небрежную поспешность составителей выдают не только опечатки в немецкой и в русской частях, но и дважды набранные слова, например, *Seife: mylo* (на стр. 3 и на стр. 4), *Stunde: tschass* (на стр. 4 и 5), а также варианты в написании одного и того же слова, ср.: *das Ei: jaizzó* (стр. 6) и *Ei: jaizó* (стр. 8); *njä charoscho/chárascho* (стр. 1).

Словарик Кнупфера саркастически характеризует в своих воспоминаниях военная переводчица О.И. Грабарь (Епифанова), которая получила экземпляр в другом типографском исполнении: без обложки, с указанием цены (30 рейхспфеннингов) и обозначением составителя как *Autor des Wörterheftchens* (т.е. словарный буклет, тетрадка)². Она вспоминает: «Забавное впечатление оставил и немецко-русский разговорник, который солдатам разда-

¹ См. подробнее: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/wirtemberg.html>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_послов_Российской_империи_при_Вюртембергском_дворе.

² Поскольку О.И. Грабарь участвовала в боевых действиях начиная с 1943 года, то вероятна датировка этого оттиска (переиздания?) 1942 годом [Грабарь 2003: 168].

вали на переднем крае. Разговорник был озаглавлен “Что это такое?” и снабжен подзаголовком “Наши солдаты могут все, они сразу же начинают говорить по-русски”. Среди необходимых слов в нем значились, например, такие: сволочь (*sswolotsch*), чёрт (*tschort*), ангел (*angel*), священник (*sswjäschtschennik*) или изба, которая называлась хижинкой. Сложнее всего обстояло дело со словами, содержащими непередаваемую букву “щ”. Капустный суп, сервированный со сметаной, – гласил разговорник – называется “штши”, а суп из свеклы, также сервированный со сметаной, называется “борштш”. Гречневая каша употребляется как приправа к капустному супу. Завершается разговорник кратким перечнем первостепенно необходимых предложений, последним из которых было “я хочу в нужник»» [Грабарь 2003: 176-177, 180].

Тематическая рубрикация и состав этого неалфавитного словарика, (что неудобно!) крайне скудного по числу разговорных фраз или шаблонов для их построения, чтобы можно было обозначить его как полноценный разговорник, достаточно бессистемны и аморфны. Это заметно особенно в начальной и в основной частях: *Notwendige Worte. Gegenstände und einige dazu gehörende Worte. Die Familie und der Mensch und einige dazu gehörende Worte. Tageszeiten, Wochentage und einige dazu gehörende Worte. Zahlen, Jahreszeiten und Monate. Tiere. Futtermittel* (всего 2 ЛЕ!). *Lebensmittel, Spiesen sowie Getränke. Noch einige kurze Sätze.*

Так, например, в разделе «Необходимые слова» представлены одновременно ЛЕ религиозной сферы: *Gott, Heilige, Pfarrer, Teufel, Engel* и инвективы: *Schuft, Dummkopf, schelten*. В раздел «Предметы», где преобладают названия объектов на местности, жилища, транспортных средств, орудий труда, утвари и посуды, оружия, одежды, отнесены и названия профессий: *Arbeiter, Schmied, Schuster, Kutscher*, а также ЛЕ *Gefangener*. Наличие группы оппозитивных пространственных наречий (*weit/nah, dahin/wohin/woher, rechts/links*) и «погодной» лексики (*es ist kalt, es schneit, Eis, Frost, Schmutz, Sturm, undurchdringlich, staubig*) маркирует потребность в ориентации на местности в неблагоприятных климатических условиях.

Глагольная лексика представлена крайне скудно, тематизируя в основном бытовую сферу: *arbeiten, essen, trinken, schlafen, rufen,*

schreien, rasieren, lesen, waschen, schreiben, braten, kochen. Вербализация военной сферы отмечена единичным глаголом *schliessen* и ЛЕ *Feind: njäprijátelj*. Грамматические комментарии и какие-либо пометы отсутствуют, а маркирование русских реалий (немногие примеры – это *Werst: 1.067 km, werstá; Kopeke: kleine Einheit*) и межязыковой полисемии единично, ср.: *Schnur: schnurók, oder bitschófká; ssarái: Heuschober, Scheune; Pferd: lóschadj, kónnj*.

Немногие разговорные фразы в словнике Кнупфера – это общие команды и обращения/вопросы типа: *Halt! Hände hoch! Was ist das?* ³*Wer da? Wieviel kostet? Wieviel Uhr?* и ориентированные на получение пищи и услуг императивы по модели: *Ich will essen (trinken, schlafen)* и т.п. Фиксация предикативной формы некоторых прилагательных указывает на возможность построения пользователем некоторых номинативных фраз типа: *Das ist + Adj. (Adv.) / etó charascho (daljekó, blíssko)* и т.п. Но четких моделей обращения по типу *Du- /Sie – Form* не представлено.

Детализации названий жилища и предметов быта (*Decke, Bett, Stuhl, Topf, Teekessel, Tasse, Brennholz, Bank, Tisch, Wäsche*), блюд (даны описания супов в русской традиции – щей и борща) и напитков, средств гигиены, прилагательные типа *bitter, salzig, süss, sauer* указывают на предназначение словарика для нужд квартирования (также самообеспечения питания) военнослужащих, тыловиков, в частности в зимних условиях (см. *Filzstiefel, Pelz, Schafpelz, warme Decke*). Но очевидно, что такой лексический минимум в военной ситуации даже в формате мини-словаря вряд ли был достаточен и оптимален.

Некоторые нарекания вызывает русская часть словарика Кнупфера, а в первую очередь транслитерация при в целом ее удовлетворительном качестве (минимум искажений в языке перевода). В качестве комментария автор указывает лишь маркированность ударения и произношение русского /ж/: *“Wichtig! Die Betonung ist unbedingt auf die Silben mit dem Zeichen zu legen.; gélsnajadoróga (ge wie Gelatine)”*. Но чаще в противоречии с установкой этот согласный позиционно передается как глухой <sch>.

³ Примечательно, что эта фраза стала титульной для словарика Кнупфера.

ср.: *schír, dóschdj, úschin, chíschina, ruschjó, nóschik, poschár, lýschi, schená, schiwót*, а «пиджак» транслитерируется как *pidják*.

Есть и нарушения в ударении в русских словах, или же оно не обозначено вовсе: *wáritj, chárascho, zigarry, wersta*. Графический или фонетический принципы транслитерации слов смешаны в отношении и гласных и согласных, ср. пары ЛЕ: *owjóss/ragóschka; brewnó/risína; objäd/posjäff*, а также формы слова, ср.: *brítza* (бриться), *ssewódjne* (сегодня), но *rugátsja* (ругаться).

При передаче фонем, чуждых немецкому языку, иногда отмечается значительная вариативность, в частности для вызывающих смягчение гласных: /ë/ = <je, jo, e, ö>; /e/ = <e, jä, je, ä>, а также для некоторых согласных: /ч/ = /tsch, ttsch/; /ц/ = /z, zz, tz/. В основном мягкость согласных передается адекватно при помощи <j>, также если это обозначено в русском при помощи мягкого знака. Последовательно это представлено в отношении /я/ = <ja>, менее – в случае с /e/ и /ë/, а крайне редко передается смягчение при /и/, ср.: *wíschnji, kístj, nítka*. «Странная» избыточность (удвоенные графем) наблюдается иногда в отношении некоторых согласных, ср.: *onn, tamm, mollokó, rrjäkä, brodd, schkaff, pereülokk, schtykk, perró, pírógg, rott*. Ср. также вариантное обозначение согласных /к/ как <k, ck> и /с/ как <ss, ß>. Но важная для немецкого произношения альтернатива /з – с/ достаточно последовательно передана как <s – ss>.

Отметим в целом редкие ошибочные фонетико-грамматические формы (искажения) в русском, см.: *septjábrr* (сентябрь), *grybú* (грибы), *ssóljno* (солёно), *máljenki* (маленький), *daljóko* (долеко), *schárennaja kartófelj* (жареный картофель), *odná* (в разделе «Числа» вместо – один). Это подтверждает предположение, что составители словарика достаточно квалифицированно владели русским языком. Его прагматический фокус можно определить как дополнение к известным немецко-русским базовым словарям-разговорникам для вермахта (ср. *Soldatenwörterbuch, Wehrmachtssprachführer*).

Другой тип вспомогательного разговорника представляет собой краткая языковая карта для патрульно-постовых служб (анонимное авторство). Эта малая планшетная форма (опросник, список фраз-приказов) для специальных подразделений сухопутных

сил (68 рубрик, 4 стр., карманный формат) содержит только список команд и вопросов (ок. 120) и их транслитерацию по-русски в основном в разговорной фонации (выделено курсивом), распределенных по ситуациям (более всего – относительно партизан и их вооружений) и односложные ответные реплики.

Нумерация, группировка реплик и их блоков в карте формальная и произвольная, а кириллического написания русских слов нет. Это удивительно, поскольку для патрулей была важна, в частности, ориентация по дорожным надписям-указателям. Отдельный словарь в карте кроме обозначений чисел 1–20 и наречий времени *gestern, heute, morgen* отсутствует.

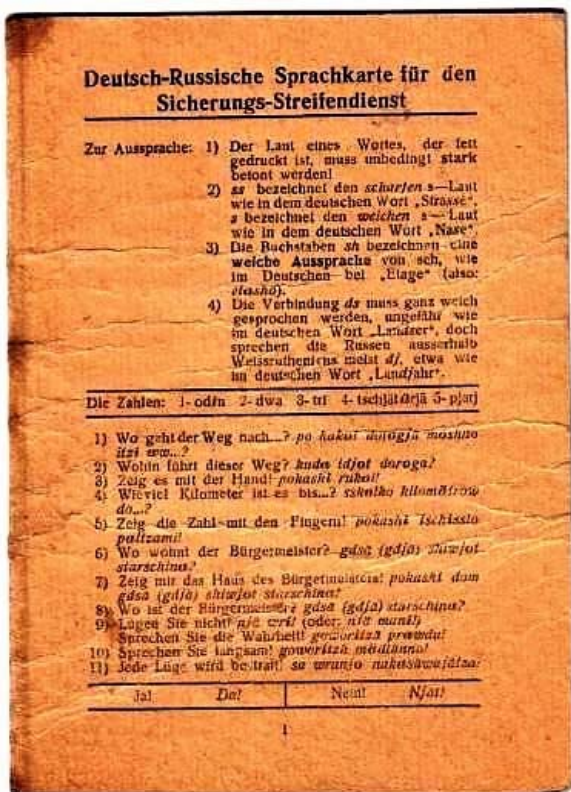

Рис. 2. Карта патрульно-постовой службы (титул)

Появившись вероятно около 1942 года (печать полевых типографий?) в дополнение к стандартным словарям-разговорникам [Дубинин 2016: 19-21], подобные карты отразили ситуацию общения в тылу германских войск, тематизируя в первую очередь противостояние активизации партизанской борьбы в сельской местности (см. упоминание: *im Dorf, in diesem Dorfe*, а также сельского старшины, который назван *Bürgermeister: starschina*⁴). Метаязыковое оформление карты краткое и касается только характеристики ударения (оно маркируется обжирнением) и частично произношения (см. вводное *Zur Aussprache*) в опоре на аналогии в немецком языке. Это только отражение альтернативы согласных /с – з/, а также произношения /ж/ и некоторых мягких взрывных. Ср.: *im Deutschen, (ungefähr) wie in dem deutschen Wort*.

Отмечены особенности т.н. великорусского произношения в отличие от белорусского: “... *doch sprechen die Russen ausserhalb Weissrutheniens meist <...>*”. В качестве синонима русск. *врать* употреблено также белорусск. *маніць*: *Lügen Sie nicht! Njä wri! (oder: njä mani!)*. Общее содержание и отмеченные особенности полевой карты делают вероятным составление ее в опоре на опыт оккупационных войск в эпицентре партизанского движения – Белоруссии, захваченной к концу лета 1941 года.

Формат двуязычной языковой карты (*Sprachkarte*), также и иллюстрированной, известен в преподавании иностранных языков (в частности, при обучении устной речи) для функционально-тематического изучения лексики и базовых грамматических явлений. Разговорная карта патрулей вермахта была предназначена для краткого оперативного опроса, задержаний, общей ориентации на месте сухопутных дозоров и разведгрупп, полевой полиции и могла комбинироваться с армейскими разговорниками, дополняя их в зависимости от ситуации.

Тематически ситуации речи здесь таковы: обнаружение партизан/их пособников, их вооружение; опрос местных жителей (староста, мужчины, подозрительные, проводники); регистрация; ори-

⁴ Институт ограниченного самоуправления в различных вариантах и волосные (сельские) старшины/старосты были введены на оккупированных территориях СССР.

ентация на местности (передвижение/определение расстояния); допрос захваченных военнослужащих/партизан (групп); снабжение (средства передвижения, инструменты/утварь, фураж, топливо, вода); осмотр и обыск жилища: установление контакта.

Модели коммуникации в карте поэтому достаточно разнообразны: личное, реже коллективное обращение/просьба, или приказ/побуждение (*Geben Sie mir sofort ...! Führen Sie mich nach ...! Ich verhafte Sie! Gehen Sie mit uns!*); манипулирование группой (пленение). При этом вероятна трансляция ряда команд по громкой связи: *Ergebt Euch! Ihr seid umzingelt/gefangen! Werft die Waffen weg! Wieviel seid Ihr?*

Но в альтернативе вежливой и грубой форм обращения (*Sie- / Du-Form*) первая явно доминирует (присутствует даже форма благодарности: *Vielen Dank*), а инвективы/угрозы единичны (*Halt-dieSchnauze!*). На отказ от агрессивной реквизиции указывает и доверительная фраза: *Ich bezahle alles!* Обращают на себя внимание попытки прямой коммуникации/контактоустановки и понимания иноязычной речи, ср.: *Sprechen Sie langsam! Wer spricht hier im Dorf deutsch?* Отдельные фразы опросника синтаксически избыточно развернуты, чтобы артикулировать их без подготовки, ср.: *Gibt es Männer im Dorf, die vor Beginn des Krieges nicht hier gewohnt haben? Imejutza li w wdsäräwnjä ludsi kotorjä do woinej sdjässnjä shili?*

В целом качество транслитерации в русском языке удовлетворительное для адекватного восприятия, хотя отмечаются определенные искажения и трудности. Так, очень вариативно обозначение некоторых русских гласных: /e/ = <jä, je, ä, e, äj, iä> и /ы/ = <у, uj, u, ej, i>, непоследовательно (смягчение перед /и/ и часто перед /e/) и неполно (мягкий знак <ь> не передается) отражена мягкость согласных, например, как щелевое произношение для /тʰ/ = <tz, ts> и /дʰ/ = <ds, dz>. При транслитерации преобладает опора на графическую форму слова, хотя присутствуют и разговорные аналоги (*pulimjot* = пулемёт, *täläk* = телег, *naprawa* = направо). Роль графической опоры отмечена фразой: “*Schreiben Sie die Namen der Leute!*”, хотя кириллица в отличие от стандартных разговорников для вермахта здесь, как уже отмечалось, не использована и вряд ли была *a priori* знакома пользователю карты.

При очевидной достаточно высокой иноязычной компетентности анонимных авторов карты следует отметить и немногие искажения (падежные несоответствия: *Ausweise* (винит. пад., мн.ч.) = *dokumentow*, или словарные формы: *orushenijä* = вооружения; видовые значения: *buditzä sasstreljanuj / sasstrelju / budu ssträjlat*) и синтаксические кальки с немецкого (*Wieviel Einwohner hat das Dorf? Sskolko shitzälej imejät dserüwnja?*), что в целом не нарушает понимание русской фразы.

В языковой карте с позиции теории речевых актов преобладают директивы, декларативы и императивы в следующих ситуациях: задержание (арест)/проверка документов; сопровождение; разоружение; угрозы наказания (казни). Оценивая содержание карты с позиций примерно одинакового выражения *открытой*/латентной иноязычной речевой агрессии отправителями речи, отметим следующую шкалу (по убыванию):

- *Намеренное унижение через манипулирование поведением / Угрозы / Оскорбительная (грубая) манера речи и конфликтное речевое поведение / Инвективы / Выражение неприязни и враждебности*
- *Подчеркивание неравноправия коммуникантов / доминирующее речевое поведение / Неаргументированное «давление» и навязывание своего мнения / Категоричное требование без использования общепринятых этикетных средств / Создание «кодового конфликта» (сознательное стремление к непониманию / недопониманию) высказываний.*

В целом рассматриваемые лапидарные источники были призваны пополнить позитивный дискурсивный имидж говорящего по-русски, доброжелательного, но строгого/решительного «армейца Рейха» в новой ситуации объективно затягивающейся военной кампании. Они свидетельствуют об инерции милитаристского дискурса и нацистской военной имиджологии, о манипулировании «победоносным духом» и позитивным образом вермахта, несмотря на трагически меняющуюся для захватчиков реальность войны с СССР, трудности и перманентные катастрофы поражений, волну военных преступлений «оруженосцев германской нации».

Библиографический список

1. Грабарь О.И. Глазами военного переводчика. Рассказы // Человек. – М.: РАН, 2003, № 1. С.168-188. [Электронный ресурс]. URL: http://vov.bio.msu.ru/res/DictionaryAttachment/1007/DOC_FILENAME/ж.%20Человек0001.PDF (дата обращения: 10.10.2019).
2. Дубинин С.И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» (на материале кратких немецко-русских разговорников для вермахта) // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. – Калуга: Изд-во КГУ, 2015. – С.168-173.
3. Дубинин С.И. Коммуникативные тактики «Оруженосца нации» (на материале кратких немецко-русских разговорников для вермахта) // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода и методики преподавания иностранных языков. Вып. 3. / Ред. Бутылов Н.В. М. – Саранск: Афанасьев В.С., 2016. – С.19-25.

Источники

1. Tschtó eto takóje. Deutsch: was ist das? / G. Knupfer, A. Mann. Stuttgart-Bad Cannstatt: Druck bei J. Mann, o/J. 8 S. (mit Umschlag).
2. Deutsch-russische Sprachkarte für den Sicherungs- Streifendienst. o/O, o/J. 4 S.

S.I. Dubinin (Russland, Samara)

TSCHTO ETO TAKÓJE: KURZE ZUSÄTZLICHE WÖRTERBÜCHER FÜR WEHRMACHT-SOLDATEN

Der Artikel befasst sich mit den pragmalinguistischen und diskursiven Merkmalen zweier verschiedener Arten von kurzen Hilfsphrasenbüchern für die Wehrmachtsoldaten, die in der zweiten Phase des Krieges gegen die UdSSR erstellt wurden, als die Krise der Militärdoktrin des „Blitzkriegs“ im Dritten Reich umrissen wurde. Es werden thematische Wortschatzgruppen und die Merkmale des Sprachrepertoires der „Soldaten an der Ostfront“ in neuen diskursiven Praktiken (Unterkunft und Verpflegung, Kampf mit Partisanen usw.) analysiert.

Schlüsselwörter: *Militärdiskurs, kurze zweisprachige Vokabulare, Wehrmacht, Pragmatik, direkte und latente Aggression, Rederepertoire des Soldaten.*